

Да здравствует
демократическая республика!

ЦѢНА ОТД. № ВЪ
РОЗН. ПРОДАЖѢ 45 К. И НА СТ.
ЖЕЛ. ДОР. 50 К.

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 34

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1917

СЕНТЯБРЬ

П А С Т Ы Р И.

Изъ всѣхъ монастырей, Только одинъ Аѳонскій мона-
стырь, подписался на 150.000 р. на „Заемъ Свободы“.
(Изъ газетъ.)

Рис. А. Радакова.

Монахъ: — Что, занимать у меня? У человѣка, отказавшагося отъ всѣхъ земныхъ благъ? И всего по 5¹/₂%?
отказываюсь, смиренный...

Прежде — за портфелемъ.

НИЩИМЪ ДУХОМЪ.

Пусть могильная мгла
Край родной облегла,
Тяжкимъ саваномъ жизнь придавила —
Невредима скала!
Цѣлы крылья орла!
Не въ такихъ передрягахъ отчизна была,
Да нетронутой прочь выходила!

Ой, не знаетъ Руси, кто ей тризну поетъ!
Рано, ворогъ, кладешь побѣжденнаго въ гротъ:
Ну, а что какъ усопшій-то встанетъ?
Сонъ стряхнетъ, поведетъ бопатырскимъ плечомъ
Да своимъ старорусскимъ завѣтнымъ мечомъ
По побѣдному черепу грянетъ?

Всѣ мы такъ: до поры —
Ни на шагъ отъ норы,
До сосѣда — ни горя, ни дѣла,
А настанетъ пора
Отъ Невы до Днѣпра —
Недѣлимое, стойкое тѣло!

Безпросвѣтная мгла
Край родной облегла,
Тяжкимъ саваномъ жизнь придавила?
Э, могуча скала!
Цѣлы крылья орла!
Не въ такихъ передрягахъ отчизна была,
Да нетронутой прочь выходила!

В. Князевъ.

ROSSIKA.

Такъ какъ у меня былъ билетъ I класса съ плакатной, то всю дорогу я стоялъ въ III классѣ на одной ногѣ, при чемъ нога эта была не моя, а чужая.

Наконецъ, владѣлецъ этой ноги робко взмолился:

— Можеть быть, вы переступите съ одной моей ноги на другую, мою же?

Тогда я взглянулъ въ лицо этому человѣку, въ свою очередь стоявшему на чьемъ-то чемоданѣ, который лежалъ на груди молодой женщины, — взглянулъ и испугался.

Глаза этого пассажира выражали столько скорби, страданій, муки, затаенной обиды и скрываеваемой запуганности, — что я невольно освободилъ занимаемое мѣсто, чѣмъ воспользовалась какая-то высокая дама, тотчасъ же ставшая на свободную ногу и бросившая на ходу:

— Здѣсь мѣста не нумерованныя...

Я повисъ на ремешкѣ для вещей и со всей нѣжностью, на которую еще способенъ пассажиръ нынѣшняго поѣзда, спросилъ у сосѣда:

— Вы больны? Вамъ дурно?

На меня глядѣло желтое, изможденное, худое, съ синими кругами подъ глазами, страдальческое, больное и испуганное лицо.

— Вамъ надо на дачу, на курортъ! — вновь сказалъ я, давя ногой чьего-то ребенка подъ скамейкой.

— На дачу? — прохрипѣлъ несчастный. — На курортъ? А отчего же я такимъ и сталъ, какъ не отъ курортовъ.

И подъ мѣрный стукъ колесъ снизу и подъ нервный топотъ ногъ на крышѣ, онъ разсказалъ мнѣ свою скорбную повѣсть.

— Врачи послали меня въ Финляндію: море, сосны, дюны, понимаете?

— Понимаю... И русскій рубль и финское дружелюбіе.

— Я вижу, вы меня поняли. Когда за яйцо съ меня запросили 200 нашихъ бумажныхъ рублей, я уѣхалъ изъ Финляндіи и поѣхалъ на Волгу.

— На Волгу? — въ ужасѣ переспросилъ я. — Вы рѣшились?

— Я рѣшился. И вотъ... у одной старушки изъ III класса пропали 200 рублей. Стали искать вора. Старушка выбрала какого-то пассажира II класса, чудеснаго старичка — учителя гимназіи и указала на него:

— Безпремѣнно онъ укралъ! Онъ приходилъ въ III классъ и даже со мной разговаривалъ.

— И что же? — въ ужасѣ спросилъ я.

— И... ну, сами понимаете — самосудъ. Черезъ 10 минутъ пассажиры изъ III класса высоко раскачали старичка и бросили его въ рѣку.

— Неужели? Безъ уликъ?

— Улики были. Нашли у него 600 рублей. А такъ какъ въ 600 рубляхъ могли находиться и 200, украденныхъ у старушки, то...

— Утопили?

— Утопили. И еще кричали: «Всѣхъ воровъ перетопить»...

— Весело.

— Ну, еще бы. Самая поправка. Но самое эффектное въ томъ, что черезъ три часа старушка бросилась на палубу съ крикомъ: «Батюшки, понапрасно душу загубили; нашла-то я въдь свои двѣсти рублей! Подъ скамейкой лежали, въ чулкѣ тамъ! Напрасно человѣка утопили!»

— Ну, и что же? — спросилъ я.

— И что же? Старушку съ парохода самосудомъ въ Волгу бросили! Не вводи въ грѣхъ!

— Такъ и бросили?

— Такъ и бросили! — отвѣчалъ рассказчикъ. — Ну, понятно, я на ближайшей пристани съ парохода и драла. Кому пріятно такой полетъ съ парохода въ Волгу совершить.

— И куда?

— На Кавказъ поѣхалъ. На воды! А тамъ забастовка официантовъ, забастовка извозчиковъ, забастовка номерныхъ, забастовка служащихъ въ ваннахъ заведеніяхъ, забастовка дворниковъ... Словомъ, потерялъ пудъ, удралъ.

— И куда?

— Въ деревню поѣхалъ. Есть у моего брата въ Киевской губерніи имѣніе, Грушки называется. Приѣзжаю, думаю отдохнуть въ Малороссіи: «Ты знаешь край, гдѣ...»

— Дальше? Въ чемъ же дѣло?..

— Оказывается, приѣзжаю, а тамъ полуботковцы стоятъ.

— Ранили?

— Сквозная рана въ ногу и два зуба во славу пана Винниченко... Хотѣлъ въ «раду» жаловаться, да панъ Винниченко еще намъ пригрозилъ...

— Войной?

— Хуже. Двумя новыми пьесами! Ну, пришлось удрать, — горестно закончилъ пассажиръ. — Гдѣ я потомъ уже не былъ?. Въ Ялтѣ былъ, — тамъ три пожара и восемнадцать забастовокъ. Въ Одессу ѣздилъ — эвакуація и бѣженцы, — не знаю, что хуже. Хотѣлъ къ киргизамъ, въ степи, да боюсь, напугали отдѣленіемъ киргизовъ отъ Россіи... Вотъ до какого состоянія дошелъ, умираю, безъ сна, безъ нервовъ, безъ сердца остался.

Онъ вдругъ закачался и упалъ на колѣни какой-то дамы.

Мы радостно выбросили его въ окно и закричали:

— Одно мѣсто для стоянія освободилось...

И черезъ минуту уже забыли о несчастной жертвѣ российскихъ курортовъ въ лѣто войны и революціи.

Борисъ Флитъ (Незнакомецъ).

Теперь — отъ портфеля.

ВЕСЬМА ВАЖНОЕ.

Для руководства провинціи, какъ приблизительно составляются списки кандидатовъ въ городскую думу. За образецъ беру списки, циркулировавшіе во время послѣднихъ выборовъ въ Петербургѣ.

Списокъ партійный.

К. Марксъ. Ученый, членъ районной орг. Р. С. Д. Р. П., покойный.

Мушкаревъ, Иванъ. Рабочій трубочнаго завода, философъ.

Левъ Толстой. Литераторъ. Членъ районной думы.

Субирахина, Евлампія. Членъ культ.-просв. органиц.: «Свобода, продовольствіе и обувь».

Н. К. Михайловскій. Критикъ. Бывшій редакторъ.

* * Предсѣдатель автономной комиссіи рабочихъ слесарной мастерской «Луминъ и С-вья».

Моисей. Пророкъ. Членъ мелитопольской орг. «Бунда».

Егоръ (псевд.). Делегатъ продов. организацій «Кутыша». Холостъ.

Списокъ безпартійный.

Сабаревъ, М. П. Квартиронаниматель. Мужчина въ соку.

Пурьковъ, А. В. Ревматикъ.

Н. Д. Пурькова, его жена.

Петя, ихъ сынъ.

Луша, горничная въ домѣ Пурькова.

Тукарянцъ, Аракса-Карапегъ. Любитель.

Мейчикъ, Ш. Теноръ.

Мыхаловъ, Иванъ. Знакомый Зыкировыхъ.

Ел. Петр. Савлухина-Замыгровская (бывш. Яцирихина). Вдова.

Въ качествѣ лозунговъ для безпартійныхъ группъ очень хороши: «Отопление и порядокъ», «Равенство, братство и борьба съ дезертирствомъ», «Долой члена управы г. Хастюшина», «Свѣтъ, свободу и конно-жел. дорогу нашему району!»

Арк. Б.

Р. С. Слѣдуетъ отмѣтить, что циркулирующіе по городу и помѣщаемые въ газетахъ списки лицъ, внесшихъ болѣе 25 тысячъ на покупку «Займа Свободы», а также очередные списки провокаторовъ не подлежатъ опусканію въ урну, наравнѣ со списками кандидатовъ.

— Какое же это женское равноправіе, — пишетъ мнѣ одинъ изъ анонимныхъ корреспондентовъ, — если я несу списокъ № 6, въ которомъ всего 4 человека, да и то всѣ по московскому охранному, а мой сосѣдъ вкладываетъ списокъ изъ трехсотъ четырнадцати лицъ, по разнымъ городамъ и на общую сумму два милліона, рубль двадцать пять копеекъ?

МАРСЕЛЬЕЗА.

Въ газетахъ и на сходкахъ до сихъ поръ еще грезятъ О безкровной революціи! Объ идеальныхъ средствахъ и цѣли! Развѣ не различили за послѣднія недѣли Особенныхъ звуковъ въ Марсельезѣ?

Пѣсни возстанія тяжелой лавиной
Падаютъ на заснувшіе города и зовутъ!
Марсельеза измѣнниковъ посылаетъ на судъ,
Казнить предателей, пощадить ли невинныхъ?

Снова Марсельеза поетъ о смерти,
Поетъ въ мятежной и радостной силѣ;
Неужели кто-нибудь думалъ: ее укротили,
Потому что сыграли на митингѣ-концертѣ?

Звуки растутъ и расходятся шире и шире,
Начались на фронтѣ, перекидываются въ тылъ;
Быстро стихаетъ митинговый пылъ:
Нѣтъ отдыха и сказокъ! Война и революція въ мірѣ!

Только красное знамя на опустѣвшей трибунѣ...
Марсельеза растетъ! Въ грозно нависающемъ пѣньи—
Прислушайтесь — говорятъ о жестокомъ отмщеніи
Павшіе восемнадцатаго іюня!

Владимиръ Пруссакъ.

МИЛИЦЕЙСКОЕ.

(Изъ цикла „Новый бытъ“.)

Въ городахъ, деревняхъ, селахъ, независимыхъ герцогствахъ, маркахъ, вольныхъ городахъ и наслѣдственныхъ курфюршествахъ государства російскаго) образуется милиція. Является одинъ фармацевтъ, два пекаря, технологъ и три акушерки; они выбираютъ какое-нибудь зданіе, изгоняютъ изъ него жильцовъ, вѣшаютъ на дверяхъ полотняную вывѣску: «комиссаріатъ» и приступаютъ къ выбору должностныхъ лицъ. Къ первоначальной инициативной группѣ присоединяются сочувствующіе; предсѣдатель (пекарь) объявляетъ засѣданіе открытымъ. На трибуну поднимается жизнерадостный тучный брюнетъ и отвѣшиваетъ низкій поклонъ.

— Граждане! я хочу посовѣтовать вамъ маленькую, но выгодную комбинацію: выберите меня комиссаромъ. Если вы этого не сдѣлаете, ваше дѣло на ватѣ.

Часть собранія аплодируетъ, часть выражаетъ недовѣріе.

На трибуну подымается слѣдующій кандидатъ.

— Иначе быть не можетъ, граждане! Одно изъ двухъ, — вы должны выбрать меня! Я старый революціонеръ, я свято чту завѣты народовольцевъ; когда я былъ студентомъ тамбовскаго университета, я пытался освободить Чернышевскаго изъ севастопольской тюрьмы, куда его засадилъ Плеве...

— Товарищи! всѣ предыдущіе ораторы, — наложники буржуазіата. Вы должны выбрать меня, и тогда наступитъ социальная революція, и какъ сказалъ еще Энгельсъ, — мы будемъ кататься, какъ сыръ въ маслѣ. Кто хочетъ кататься?

Предсѣдатель ставитъ этотъ вопросъ на баллотировку, и собраніе единогласно выноситъ резолюцію:

«Выражаемъ настойчивое пожеланіе кататься, какъ сыръ на маслѣ. А посему избираемъ нашимъ районнымъ комиссаромъ товарища Константина Гукайло. Слѣдуютъ подписи».

Комиссаръ Гукайло въ тотъ же день вступаетъ въ исполненіе служебныхъ обязанностей и прежде всего подбываетъ соответствующихъ служащихъ. Олимпіадѣ Никитишну, знающему консерваторку онъ дѣлаетъ письмоводительницей, ее сестру регистраторшей, а глухую тетку завѣдывающей архивомъ. У Гукайло есть два брата, которые дѣлаются помощниками комиссара: племянникъ Коля, изгнанный изъ реального училища за распространеніе безответственныхъ статуетокъ, получаетъ должность санитарнаго инспектора. Затѣмъ комиссаръ подыскиваетъ подходящій кадръ милиціонеровъ. Принимая во вниманіе интересы гражданъ, комиссаръ корректно отклоняетъ предложеніе группы взломщиковъ, отвѣчая на ихъ прошеніе мотивированнымъ отказомъ съ указаніемъ «на недопустимость гнѣксий и контрибуцій». Милиціонеры набираются изъ мужчинъ, свободныхъ отъ какихъ-нибудь опредѣленныхъ профессій и обладающихъ искреннимъ желаніемъ,—

Русскій пейзажъ.

ЧНАИ ЛАВКА

Тоже батальонъ смерти. Отличается от другихъ такихъ же батальоновъ тѣмъ, что и не посылаемый на фронтъ медленно, но вѣрно вымираетъ въ тылу.

охранять городскую безопасность за почасовое вознаграждение.

Къ комиссару является группа административныхъ уголовныхъ и предлагаетъ свои услуги. Уголовные принимаются и начинаютъ энергично работать. Послѣ разгрома трехъ магазиновъ и опустошенія двухъ квартиръ, комиссаръ даетъ уголовнымъ отставку, мотивируя ее «сильнымъ переутомленіемъ и напряженной нервной работой». Остальные милиционеры аккуратно получаютъ жалованье, и по мѣрѣ силъ и возможности несутъ свою отвѣтственную службу. Работы у нихъ много. Въ кабинетъ комиссара вваливается веселый жизнерадостный человекъ, ведущій за шиворотъ сконфуженнаго милиционера.

— Въ чемъ дѣло? — спрашиваетъ комиссаръ.

Милиционеръ что-то лепечетъ объ извлеченномъ въ трамваѣ бумажникѣ, но арестованный перебиваетъ его несвязную рѣчь ударомъ кулака по столу.

— Довольно! Я не позволю!

— Успокойтесь! Ради Бога успокойтесь, — волнуется комиссаръ. — Садитесь. Чаю не прикажете?

— Чаю? Ну, валийте чаю. Я человекъ нервный, сырой. Мнѣ волноваться вредно. Вы такъ и скажите вашему милиционеру, чтобы онъ не смѣлъ ко мнѣ со своими дерзостями приставать. Не люблю я фамильярности...

Комиссаръ проситъ извиненія. И посѣтитель, взявъ три рубля до «послѣзавтра», удаляется. Послѣ его ухода комиссаръ тяжело вздыхаетъ и сообщаетъ сотрудникамъ газетъ очередную замѣтку для полицейской хроники: — «Вчера въ вагонѣ трамвая № 8 неизвѣстнымъ лицомъ похищенъ бумажникъ у купца первой пильдии Кожухина. Къ розыску преступника приняты энергичныя мѣры».

Когда мирному обывателю необходимо навести въ комиссариатѣ какую-нибудь справку, всѣ должностныя лица оказываютъ ему живѣйшее содѣйствіе. Письмоводительница спрашиваетъ посѣтителя о кинематографѣ «Свѣтоударъ» и о монопольной филмѣ «Изъ когтей разврата въ щупальцы ра-

дости», регистраторша напѣваетъ ему «Видишь, какъ прекрасно море», глухая тетя комиссара долго и упорно спрашиваетъ его по поводу собачьяго налога, а комиссаръ ожесточенно доказываетъ диалектическое преимущество историческаго материализма. Комиссаръ сыплетъ цитаты изъ Энгельса и Маркса, а терпѣливый хвостъ просителей тягостно вздыхаетъ и позѣвываетъ.

— Вы понимаете, гражданинъ, — горячится комиссаръ, — мировые кризисы капиталистическаго хозяйства и всеобщая борьба за повышение заработной платы... Справочку? Дамъ, дамъ... Имперіалистическія тенденціи великодержавной политики, въ связи съ концентраціей крупнаго капитала...

— Товарищъ комиссаръ, — просовывается въ дверь чья-то взлохмаченная голова, — изъ районной думы телефонируютъ, что начался пожаръ въ домѣ.

— Такимъ образомъ, подходя къ классовой борьбѣ, мы неминуемо должны дезавуировать реакціонныя выходки...

— Телефонируютъ относительно пожара, — снова просовывается взлохмаченная голова.

— Реакціонная буржуазія...

Посѣтитель мысленно плюетъ въ сердце комиссара и удаляется. Письмоводительница вспоминаетъ о кинематографѣ, регистраторша напѣваетъ цыганскій романсъ, а глухая тетя рассказываетъ удивительную исторію о бульдогѣ ея двоюроднаго брата.

Трудное это дѣло, — охрана спокойствія и безопасности! Въ особенности, если оно поручается тѣмъ людямъ, о которыхъ говорится: «У отца было три сына: два умныхъ, а третій служилъ въ милиціи».

Бор. Мирскій.

В С К О Л Ъ З Ъ.

I.

Справа:
— «Браво!»,
Слѣва:
— «Эва!!»

Въ результатѣ же сего,
Кромѣ ярости и пнѣва —
Ровнымъ счетомъ, ничего!

II.

Съѣхалось, сражается
Чудо-совѣщаніе;
Пуще разѣзжается
Треснувшее зданіе!

III.

Два кружка,
Два божка...
Плачь, Федора-матушка!

Иродь.

Б И Р Ж А.

(Докладъ министру финансовъ.)

Товарищъ министръ!

Простите за это официальное обращеніе, но мнѣ хочется сохранить строго дѣловой характеръ, такъ какъ думаю, что мой докладъ поможетъ вамъ разобраться въ одномъ изъ очень трудныхъ вопросовъ, — о биржевыхъ спекуляціяхъ. Я бы не вернулся къ нему, но ваши помощники уже открыто заявили, что они будутъ бороться съ биржевымъ ажіотажемъ, и я, какъ пострадавшій, позволяю себѣ обратить вниманіе и на мое показаніе. Считайте меня очевидцемъ.

Незадолго до революціи случилось въ моей семьѣ довольно странное явленіе.

Однажды, какъ сейчасъ помню, что это было въ пятницу, моя жена, печально посмотрѣвъ въ окно, сказала:

— Какъ тяжело быть замужемъ за тупымъ, неэнергичнымъ человѣкомъ, у котораго всѣ финансовыя комбинаціи сводятся только къ потерѣ бумажника въ вагонѣ трамвая, къ продажѣ старыхъ книгъ или краткосрочному займу въ сто рублей.

Я въ радушной формѣ отмѣтилъ правильность конструкции ея фразы и, ласково замѣтивъ, что я никогда не былъ замужемъ за тупымъ человѣкомъ, въ силу чего не могу ей и сочувствовать, продолжалъ пить чай.

Но, женщина, товарищъ министръ, — вспомните Жанну Д'Аркъ, Орлеанскую дѣву, Саванароллу, Торквемаду и др. — настойчива и упряма. Жена продолжала:

— Мужъ Маруси, несмотря на его отаратительный характеръ, купилъ себѣ какихъ-то бумагъ на биржѣ, разбогатѣлъ въ два мѣсяца, и теперь Маруся со мной не здоровадается. Многіе заботятся о семьѣ и умѣютъ устраивать ея благополучіе.

Мягко и спокойно я польстилъ ей:

— Если ты видишь въ этомъ извѣстное семейное благополучіе, перестань и ты здороваться съ нѣкоторыми изъ знакомыхъ. Противъ такого устройства семейнаго уюта я, какъ мужъ и человѣкъ, ничего не могу сказать. Это не требуетъ ни денежныхъ затратъ, ни усиленной работы.

Вскользь повторивъ о неприятности быть замужемъ за тупымъ, бездѣльнымъ и т. д. человѣкомъ, упрямая женщина заявила:

— Этого мало. Нужно купить бумаги на биржѣ. Тогда черезъ два мѣсяца ты будешь богатъ.

— Какія именно бумаги?

Она отвѣтила конкретно:

— Такія, какія поднимаются ежедневно на пятьдесятъ рублей, и ты, сидя у себя дома, начинаешь богатѣть. Всѣ кругомъ ходятъ съ довольными лицами, благословляя тебя, и будущее твое обезпечено.

Я человѣкъ, по-моему, настроенный реально, но многіе называютъ меня беспочвеннымъ мечтателемъ. Помню, что когда въ 1916 году, я высказалъ вслухъ предположеніе, что не пройдетъ и 7—8 лѣтъ, какъ наша война кончится, кто-то назвалъ меня неискривимымъ утопистомъ. Я привожу эти

данныя только для того, чтобы оправдать охватившее меня вслѣдъ за словами жены мечтательное настроеніе.

«И вдругъ необходимыя для этого бумаги куплены, — думалъ я, — я сижу у себя въ комнатѣ, а гдѣ-то съ шумомъ и свистомъ растутъ мои деньги. На лицахъ у домашнихъ приятная, ободряющая улыбка. Проходящіе по лѣстницѣ квартиранты около моей двери замедляютъ шаги и идутъ на ципочкахъ: «Тише, здѣсь челоѣкъ богатѣетъ». Быстро растетъ популярность. Дворникъ изъ сосѣдняго дома приходитъ съ просьбой быть крестнымъ отцомъ его четвертой дочурки. Даже старая кошка дольше засиживается на колѣняхъ и въ лѣнивыхъ поворотахъ ея хвоста чувствуется, что у нея впервые раскрылись на меня глаза, и она кается въ своихъ прежнихъ ошибкахъ. А бумаги растутъ и уже подозрительно начинаютъ шептаться въ банкахъ, но нѣтъ такой человѣческой силы, которая бы могла остановить ихъ панической ростъ...»

Мечты были настолько ярки, что мнѣ уже хотѣлось сбросить съ колѣнъ кошку и выпнать дворника съ его четвертой дочуркой.

— Ну, какъ? — спросила жена.

— Видишь ли, дорогая, — осторожно отвѣтилъ я, — въ своей жизни я покупалъ только линованую, въ клѣточку и обыкновенную почтовую бумагу... Ты должна быть осведомлена, что отъ покупки этихъ бумагъ, люди становятся только бѣднѣе на полтора рубля... Гдѣ же найти такія бумаги, которыя...

— Ну, тебѣ расскажутъ, — успокоила она.

И все-таки я колебался.

Тогда, — обратите на это вниманіе, товарищъ министръ, — женщина, въ сообществѣ съ другими, менѣе извѣстными мнѣ лицами, совратила меня при помощи другого, адскаго плана, который стубилъ тысячи, подобныхъ мнѣ.

Меня стали возить по разнымъ мѣстамъ и показывать тѣхъ людей, которые богатѣли въ два мѣсяца. Сначала моя здоровая натура оказывала сопротивленіе и организмъ не принималъ яда.

Какъ сейчасъ помню, это было въ среду, субботу, или можетъ быть въ воскресенье, жена показала мнѣ на концертѣ какого-то молодого человѣка въ смокингѣ, который, пользуясь яркимъ освѣщеніемъ въ залѣ, игралъ брелоками съ такимъ расчетомъ, чтобы ихъ блескъ и шумъ, производимый ими, достигалъ самыхъ дальнихъ уголковъ зрительнаго зала.

— Этого я не знаю.

— Нѣтъ, ты его знаешь. Это Ванечка Жалюзевъ.

— Неужели, — искренно удивился я, — почему же на немъ нѣтъ столь типичныхъ для него дыръ, не видно пустого бумажника, который онъ охотно развертывалъ передъ посторонними людьми, и онъ не жалуется вслухъ на свое бѣдственное положеніе?... Кстати, онъ мнѣ долженъ шестьдесятъ рублей...

— А это потому, — радостно пояснила жена, — что онъ сталъ играть на биржѣ, и теперь у него больше ста тысячъ...

Еще наивный и неиспорченный, я по-своему воспользовался этой встрѣчей. «Перстъ судьбы, — подумалъ я, — указываетъ мнѣ на то, что я могу получить съ него долгъ».

Я подошелъ къ нему и получилъ.

Вънимая деньги, онъ произнесъ тономъ уставшаго миллиардера.

— Хотите, я вамъ двѣсти въ долгъ дамъ.

«Перстъ, такъ перстъ, — мелькнуло у меня въ головѣ, — противъ перста не пойдешь». — Дайте.

Онъ сразу осунулся и замѣтно поблѣднѣлъ, но затѣмъ сталъ вынимать изъ кармана разныя бумаги, попутно подсчитывая ихъ стоимость и черезъ десять минутъ далъ двѣсти рублей.

Когда я рассказалъ объ этомъ женѣ, она съ горечью посмотрѣла на меня и болѣзненно вздохнула.

— Говорить съ такимъ человѣкомъ, взять двѣсти рублей и не спросить о бумагахъ?... Слышишь, иди неси ему обратно эти двѣсти рублей, и...

Твердость моего характера помѣшала осуществиться этому плану.

Тогда какіе-то люди, найденные и созданные женой, стали приходиться ко мнѣ домой и убѣждать меня, отъ восьми вечера и засиживаясь за ночь, въ необходимости игры на биржѣ.

Мнѣ рассказывали различные случаи о томъ, какъ люди, прибывшіе въ столицу съ однимъ опоркомъ и двумя рекомендательными письмами къ умершимъ родственникамъ, сумѣли въ полгода нажить состояніе. Особенно меня тронулъ

рассказъ объ одномъ молодомъ человѣкѣ, который сумѣлъ, узнавъ названіе выгодныхъ акціи, пойти играть въ карты, выиграть съ трехъ рублей четыреста, купить двѣ акціи и, въ концѣ концовъ, дошелъ теперь до такого благополучія, что даетъ лакеямъ въ ресторанахъ на чай сторублевая бумажки. Правда, кто-то добавилъ, что онъ тутъ же беретъ отъ лакея немного болѣе девяноста рублей сдачи, но это указываетъ только на его ясный умъ и бережливость. Мнѣ не только называли его фамилію, но даже обѣщались достать фотографическую карточку.

Не менѣе трогателенъ былъ рассказъ и объ одномъ адвокатѣ, который шелъ уже стрѣляться, но случайно купилъ вечернюю газету, прочелъ о повышеніи его бумагъ и застрѣлился, но не отъ разстроенныхъ денежныхъ обстоятельствъ, какъ онъ это предполагалъ, а уже отъ безнадежной любви.

Товарищъ министръ! вы сами человѣкъ... Вы должны понять, что, будучи окруженнымъ такими людьми, трудно не потерять голову. А ужъ какъ говорится, что съ возу упало, — пиши пропало. Чужую голову никто не подниметъ и не отнесетъ въ комиссаріатъ.

Я рѣшился. Лихорадочно дрожащая рука нажала телефонную кнопку; рѣзкій отрывистый разговоръ, и голосъ опойнаго человѣка кинулъ въ ухо:

— Купите Мамыринскія. Я лично на нихъ играю. Очень крѣпкія. Сейчасъ 219, доведете до четырехсотъ шестидесяти, — продавайте. Привѣтъ женѣ.

Техника открытія онкольнаго счета васъ, навѣрное, не интересуется, товарищъ министръ. Она у всѣхъ одинакова. Не такъ важна и фамилія лица, открывшаго мнѣ этотъ счетъ въ банкѣ. Весь трагизмъ въ той простотѣ, съ какой мои наивныя, трудовыя десять тысячъ очутились воплощенными въ бумагахъ подъ средне-славянскимъ жуткимъ названіемъ: «Мамыринскія».

Простите меня за это неофициальное восклицаніе, но я не въ силахъ не поставить его: ахъ. Ахъ, если бы вы могли видѣть мои скопленные десять тысячъ. Это были честныя деньги. Навѣрное, смѣшавшись съ другими деньгами въ банкѣ, онѣ все же выглядели какъ-то особенно. Такъ выглядит честный рабочій, выходящій на работу въ пять утра, смѣшавшійся съ толпой тулякъ, выходящихъ въ это время изъ шантана. Эти деньги росли, поливаемые моими и чужими слезами. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ ихъ поливали слезы жены, которой послѣдовательно было отказано въ поѣздкѣ въ Крымъ и въ каракулевома сакѣ. И вотъ такія деньги были пущены туда, надъ чѣмъ, если и нѣтъ вѣвѣски: «Оставь надежды всякій и т. д.», то только потому, что эту вѣвѣску стащилъ бы кто-нибудь изъ проигравшихся, которому были нужны деньги на стаканъ кофе.

Начало концу было положено на слѣдующій же день послѣ покупки бумагъ. Я проснулся съ чувствомъ человѣка, которому отрѣзали ноги и онъ боится открыть одѣяло, чтобы въ этомъ лишній разъ убѣдиться.

— Я еще не разбогатѣлъ? — робко спросилъ я жену.

— Глупенькій, — ласково проворчала она, — въ одинъ день это не дѣлается. Нужно подождать дней семь-восемь... Полмѣсяца... Подожди вечернихъ газетъ, — узнаешь...

Не стоить говорить о томъ, что завтракать я не могъ. Не могъ и работать. Съ двѣнадцати утра я уже стоялъ на улицѣ и ждалъ вечернихъ газетъ. Я выпытывалъ у газетчиковъ, не бываетъ ли случая, чтобы вечерніе выпуски выходили раньше на два, на три часа. Газетчики, большей частью ссылаясь на свое малолѣтство, такихъ случаевъ не припоминали.

Я бы могъ упомянуть о томъ, какъ я звонилъ къ занятымъ людямъ, какъ я долго и тщательно выпытывалъ ихъ о биржевой конъюнктурѣ на сегодня и съ какимъ уваженіемъ прислушивался къ разговору двухъ незнакомыхъ людей, изъ которыхъ одинъ случайно сказалъ, что у него знакомый биржевикъ, котораго онъ четвертаго дня хоронилъ. Наконецъ вышли вечернія газеты.

Я просмотрѣлъ списки. Мои акціи поднялись на 30. Я заработалъ шестьсотъ рублей за одинъ день. За обѣдомъ я былъ оживленъ и весело болталъ.

— Ты сегодня въ удивительномъ настроеніи, — улыбнулась жена, — повидимому, у тебя организмъ воспримчивъ къ богатству.

Я съ любовью посмотрѣлъ на эту женщину. Никто такъ не можетъ понять другого, какъ близкій человѣкъ.

Вечеромъ я сѣлъ писать. У меня была начата повѣсть. Не знаю, какъ она должна была назваться для читателей, но у меня въ записной книжкѣ противъ нея стояло: «шуба, дрова; лучше лирическая, ли... на четыре; можно и больше».

«Смѣшно, — подумалъ я, написавъ двѣ-три неудачныхъ фразы, — еще вчера я могъ сидѣть, работать и думать, что хорошо получить за эту вещь двѣ-три тысячи рублей, а сегодня...»

На завтра я устроился такъ, что проснулся къ вечернимъ газетамъ.

— Сколько? — дрогнувшимъ голосомъ спросила жена.

— Еще шестьсотъ, — бросилъ я, — пустяки. Потомъ больше будетъ. Товарищъ министръ! Ахъ, если бы я могъ васъ пригласить въ это время къ себѣ, въ мою скромную уютную квартирку... Если бы вы видѣли ту безмятежную радость и чувство успокоенія за будущее, которое въ ней цари... рабочедепутатствовало за это время. Почтительное отношеніе ко мнѣ дошло до такой степени, что когда однажды вечеромъ я сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и ковырялъ перочиннымъ ножомъ кусокъ стараго сургуча, жена не пустила ко мнѣ свою тетку:

— Не надо ему мѣшать. Онъ выигрываетъ.

Такъ продолжалось около недѣли. Говорить ли, что однажды вечеромъ, когда я собрался ѣхать въ клубъ, вмѣсто обычныхъ намековъ на то, что есть мужья, которые ведутъ семью къ быстрому разложенію, я услышалъ только сочувственный легкій афоризмъ, что биржевая игра дѣйствуетъ на нервную систему и это такъ нормально, что человѣка тянетъ поиграть въ клубъ. Первый разъ въ жизни я услышалъ благословеніе на поѣздку въ клубъ.

Мягкимъ задушевнымъ голосомъ я отвѣчалъ на редакціонные звонки, что я рѣшилъ вообще отдохнуть, тѣмъ болѣе, что сейчасъ очень занятъ биржевыми операціями.

Больше того, въ томъ же залѣ, гдѣ еще такъ недавно указующій кивокъ головы, отмѣчалъ предо мной Ванечку Жалозева, я увидѣлъ, что и на меня кто-то смотритъ, съ тѣмъ же выраженіемъ лица...

Товарищъ министръ! я тонулъ и даже не имѣлъ мужества крикнуть: «Спасите»...

Вы навѣрное замѣтили, что биржевики не бреются. Пересталъ бриться и я. Въ вихрѣ обогащенія, у меня часто оказывался жилетъ одѣтымъ наизнанку. Я выходилъ на улицу въ чужихъ галошахъ, называлъ мужскимъ именемъ свою прислугу и долго не рѣшался, подѣхавъ къ своему дому, слѣзть съ извозчика, увѣряя, что этотъ домъ не мой, что я жилъ въ немъ только въ раннемъ дѣтствѣ, а сейчасъ живу въ небольшомъ особнякѣ на одной изъ тѣхъ улицъ, которыя называются за свою грязь фешенебельными.

Въ предвидѣніи новой жизни, наша обстановка началась мало-по-малу укладываться, или раздариваться. Рѣдкій изъ знакомыхъ не уходилъ отъ насъ съ лампой, или кастрюлей, такъ какъ при новой жизни это должно быть замѣнено новыми предметами, а продавать это, мнѣ, человѣку зарабатывающему ежедневно на биржѣ... О, нѣтъ. Положеніе обязываетъ.

Прислуга перестала готовить. Она связывала это съ тѣмъ обстоятельствомъ, что ее скоро замѣнятъ поваромъ и ей не хотѣлось даромъ затрачивать молодыя силы. Жену я часто заставлялъ передъ зеркаломъ мучительно разсматривающей свои уши, которыя скоро будутъ отягощены брилліантами.

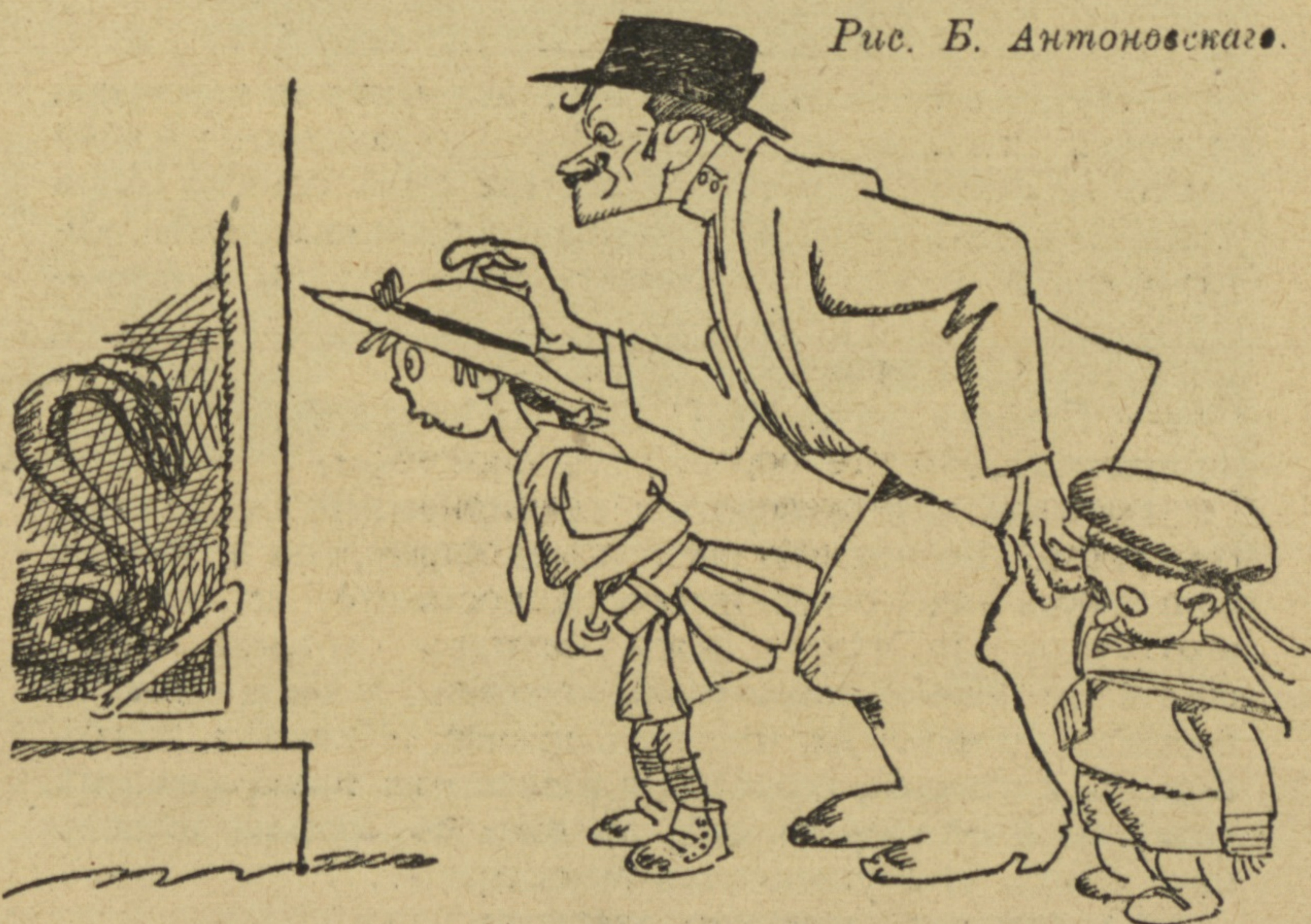

Рис. Б. Антоновскаго.

НЕПРИМИРИМОСТЬ ВЗГЛЯДОВЪ.

— „Очковая змѣя“? Осторожниѣ, ребята: буржуазная змѣя очки носить...

Купецъ: — Говорятъ, что необходимы какія-то мѣры, а мы ничего не имѣемъ и противъ полумѣръ...

Порой мнѣ казалось, что даже старая кошка по утрамъ убѣгаетъ къ мяснику, уже приторговывается къ цѣлой телячьей тушѣ и партіи слегка-попорченныхъ рябчиковъ.

Вотъ именно въ этотъ моментъ и пришла революція. Не въ моихъ силахъ описывать всѣ фазисы этого громаднаго историческаго явленія. Упомяну только объ одномъ изъ фактовъ. Биржа закрылась. Бумаги... Вы знаете, что съ ними стало.

Какъ сейчасъ помню, — я тогда былъ въ сѣромъ костюмѣ, — мое лицо, когда мнѣ ласково сказали въ банкѣ: — Съ васъ причитается 2214 рублей.

И, взглянувъ на мое лицо, въ видѣ утѣшенія добавили: — И шестьдесятъ двѣ копейки.

Товарищъ министр! пишу вамъ это, живя въ маленькой неуютной комнатѣ, половина которой сплашается глухими рыданіями жены. Для того, чтобы не было скучно, одинъ уголь мы сдаемъ рабочему текстильной промышленности, который очень охотно выслушиваетъ мои разказы о биржевой игрѣ и вѣжливо резюмируетъ свои размышленія по этому поводу:

— Придетъ времячко... Еще порѣжутъ буржуишекъ... Наигрались...

Вотъ вы хотите бороться съ биржевымъ ажіотажемъ Прекрасно. Но неужели вы, закрывъ биржу, или привлекиши кого-нибудь къ отвѣтственности, оставите на свободѣ мою жену и тѣхъ людей, которые убѣдили меня играть... Изъ-за нихъ увязъ коготокъ, а тогда долго ли пропасть птичкѣ. Да, что тамъ птичка. Человѣкъ погибъ. Будь бы я птичкой, развѣ бы я женился на такой женщинѣ, развѣ бы я пустилъ къ себѣ въ домъ отъ восьми до полуночи этихъ уговаривающихъ мерзавцевъ...

Къ суду ихъ, товарищъ министр...

На заставляйте меня выходить на улицу!

Арк. Буховъ.

БѢЛОЕ КОЛЬЦО.

Въ безводной степи торжествуетъ духъ, —
Въ иссушенныхъ вѣтромъ отрогахъ скаль,
Въ беззвучьи ночей изощряется слухъ,
И слышно, какъ дышитъ злой шакаль...

На вершинахъ хрустальныхъ и снѣжныхъ горъ,
Гдѣ свиваетъ притонъ обостренность сновъ,
И свѣжъ, и страшень вѣтровъ напоръ,
И видны силы другихъ міровъ.

Надъ дикой и мрачной пустыней водъ
Таинственный, жуткій и злобный духъ
Изъ тучъ пригибаетъ свинцовый сводъ
И волны свиваетъ въ шипящій кругъ.

Въ низы и сокрытыя нѣдра земли,
И въ тайные ходы темной утробы,
Тихо кольшась, спустились, легли,
И злобно молчатъ тѣсные гробы.

А тамъ, — блѣдно-бѣлый, свистящій кругъ
Влечетъ въ безпредѣльность за эрами эры...
И я проникаю, вливаюсь вдругъ
Въ кристальный свѣтъ вездѣсущей сферы.

А. Дэви.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Догадались.

Только русская дѣйствительность и славянское добродушіе могли породить этихъ милыхъ, безконечно наивныхъ добродушныхъ старичковъ, ничего не понимающихъ, со всѣми говорящихъ привѣтливо...

Такого старичка напоминаетъ „Воля Народа“, которая дошла до того, что совершенно искренно спрашиваетъ о „Рѣчи“ и кадетахъ вообще:

Нькто рьшительный (Бабушкь, Кропоткину, Плеханову и Церетели): — Сторонись, голубчики. Нашего подрайон-наго Егора Фетюкова истиннаго представителя демократіи на первое мьсто пропустите.

Почему и прежде и сейчас, послѣ московскаго перемирія, авторы многихъ желчныхъ, брюзгливыхъ, сосредоточенно-злыхъ статей словно задались цѣлью подслушать и перенести на страницы своей газеты всю безнадежно-тупую болтовню разсерженныхъ лавочниковъ, всегда готовыхъ видѣть „соціалиста“ въ каждомъ жуликѣ и погромщика въ каждомъ рабочемъ? Почему?

— А ты насчетъ Митькинаго характера не мучайся, — говоритъ столяръ у Горбунова, — потому какъ дядя у него полицейскій, а ужъ противъ судьбы не пойдешь. Кровное это у него.

Дѣйствительно, кровное у нихъ это. Только въ Россіи можетъ быть: съ одной стороны, подпольное недовѣріе къ каждому человѣку въ чистыхъ воротничкахъ и въ чистомъ пиджакѣ, съ другой стороны, змѣнный шипъ и какая-то азиатская злоба ко всему, что носитъ характеръ демократизма...

Пагубная страсть.

Не все, что затаено на душѣ, надо высказывать вслухъ. Даже любовь къ Романовымъ.

Полковой комитетъ I Выбрскаго крѣпостнаго полка постановилъ уволить изъ полка и предать суду за контръ-революціонный поступокъ подпоручика того же полка К. Означенный подпоручикъ на обѣдѣ у полковаго командира въ день полковаго праздника произнесъ тостъ... за здоровье будущаго монарха обожаемаго Михаила II.

Что касается контръ-революціонности этого поступка — мы не согласны. Если и это называть контръ-революціей, что же тогда останется на долю простой человѣческой глупости?..

Какъ яблочко румянь и весель безконечно...

Да... А поутру она вновь улыбалась передъ окошкомъ своимъ, какъ всегда...

Если кто-либо сумѣлъ въ наше время обзапастись веселымъ настроеніемъ на долгое время, такъ это Протопоповъ. Газеты сообщаютъ о немъ, что и въ тюрьмѣ

онъ одинъ держится бодро и какъ видно не унываетъ. Большую часть дня онъ проводитъ въ постели. Во время уборки охотно вступаетъ въ разговоръ съ солдатами. Камеру убираетъ и моетъ полъ самъ къ великому удивленію и удовольствію солдатъ.

— Эхъ, Тихоновъ, говоритъ онъ, ты думаешь, — я виноватъ? Нѣтъ! Всѣ виноваты, а больше всѣхъ царь. А какъ ты думаешь, можно мнѣ будетъ рядовымъ солдатомъ отправиться на фронтъ?

Тихоновъ отвѣчаетъ:

— Да вотъ, какъ судъ скажетъ.

Благодаря общительности Протопопова, къ нему относятся лучше, чѣмъ къ другимъ, и солдаты настроены къ нему болѣе добродушно.

Рядовымъ отправиться можно Протопопову. Не онъ одинъ будетъ на фронтѣ — всѣ полицейскіе и стражники тамъ.

Только послѣдить за нимъ надо. Человѣкъ онъ оборотистый — ему и до большевизма недалеко. Разстояніемъ онъ не стѣсняется.

За кого прикажете?

Когда въ доброе старое время пытались доказать, что у Гучкова нѣтъ никакихъ данныхъ противъ Сухомлинова, это было понятно. Время было такое. Но когда уже теперь по словамъ „Русской Воли“ во время процесса

защита цѣлымъ рядомъ вопросовъ пытается установить, что у А. И. Гучкова, въ сущности, не было никакихъ фактическихъ данныхъ для обвиненія Мясоѣдова и Альшиллера въ шпіонствѣ, что его свѣдѣнія основывались на неprovѣренныхъ слухахъ и т. д.

— Это кажется болѣе чѣмъ страннымъ. Даже если окажется, что Гучковъ во снѣ видѣлъ все то, что потомъ оказалось дѣйствительными фактами, все равно нельзя на этомъ строить защиту.

Раньше все это могло случаться, но теперь этотъ номеръ не пройдетъ.

Повтореніе пройденнаго.

Какъ сообщаютъ мѣстныя газеты:

Зыряне и пермяки до сихъ поръ не понимаютъ, что происходитъ въ Россіи, но и среди нихъ начинается глухое броженіе. Сѣверные зыряне отказываются принимать деньги и требуютъ за свои товары хлѣбъ, порохъ и желѣзные издѣлія. Къ русскимъ начинаютъ относиться недовѣрчиво. Причина въ томъ, что шайки разбойниковъ ѣздятъ по Зырянскому краю и по Сѣверному Уралу и, покоряя инородцевъ, заставляютъ ихъ платить себѣ дань.

Къ нашему глубокому сожалѣнію не одни только зыряне и пермяки не понимаютъ, что происходитъ въ Россіи. Что же касается общей этой картины, то какъ-

то досадно становится за исторію: зачѣмъ снова повторять исторію походовъ Ермака, или, что еще скучнѣе, заселенія славянъ...

Мерси. По Иловайскому уже выучили.

Вѣрное средство.

Радостная новость:

Въ министерствѣ почтъ и телеграфовъ приглашенные въ качествѣ членовъ жюри художники остановились на пяти образцахъ изображеній на будущихъ почтовыхъ маркахъ, выпускъ коихъ предполагается въ непродолжительномъ времени, а именно: русскій витязь со щитомъ, витязь съ мечемъ, орелъ, мечъ, разрубающій цѣпь (рабство), и ангелъ, вдохновляющій воиновъ на ратные подвиги.

Ни витязи, ни орлы не помогутъ. Такое тутъ надо нарисовать и такое написать, что бы письма по мѣсяцамъ не залеживались, что и сказать неудобно...

Витязь со щитомъ тутъ не при чемъ. Не его дѣло за этимъ слѣдить

Владиміръ Галлактіоновичъ и Владиміръ Львовичъ.

Русское общество должно быть очень благодарно В. Л. Бурцеву за его разоблаченія. Очень полезное и цѣнное дѣло.

Но не менѣе благодарно русское общество должно быть и В. Г. Короленко за его письмо къ Бурцеву. Очень полезное и цѣнное дѣло.

А самое интересное мѣсто въ письмѣ такое:

Во избѣжаніе многихъ недоразумѣній, считаю нелишнимъ прибавить: я не кинталецъ, не циммервальдистъ, даже не интернационалистъ въ томъ узкомъ смыслѣ, какой нынѣ придается этому слову. Защиту родины считаю важнѣйшей изъ ближайшихъ задачъ, а настроеніе, создаваемое такъ называемымъ „большевизмомъ“ въ странѣ и на фронтѣ, могу сравнить развѣ съ прививкой горячечной бациллы къ ослабленному народному организму. Вскорѣ надѣюсь высказаться объ этомъ обстоятельнѣе, а пока скажу все-таки, что не всякое дѣкарство годится, въ томъ числѣ хотя бы и „полезная клевета“. Эта послѣдняя можетъ, наоборотъ, усилить дѣйствіе бациллы. Что же сказать о другихъ случаяхъ, въ родѣ настоящаго инцидента съ Раковскимъ!

Вы забыли, что въ такихъ обвиненіяхъ, гдѣ замѣшано доброе имя столькихъ опредѣленныхъ лицъ, требуется чрезвычайная осторожность, что даже высокая цѣль не оправдываетъ нѣкоторыхъ средствъ. Нѣтъ, это не я далъ ложное показаніе „по явному недоразумѣнію“. Это вы, Владиміръ Львовичъ, сдѣлались отголоскомъ неprovѣренной клеветы противъ честныхъ людей. Хотѣлось бы надѣяться, что у васъ хватитъ мужества въ этомъ сознаться. Настаивая на голословныхъ обвиненіяхъ, отказываясь отъ суда чести, вы открываете просторъ эпидеміи клеветничества, какъ орудія политической борьбы.

— Странно, — навѣрное скажетъ Бурцевъ, — почему это Короленко такъ обидѣлся? Вѣдь я его еще не успѣлъ, въ суматохѣ, объявить провокаторомъ... Должно быть за Горькаго обидѣлся: его, молъ, впередъ а меня послѣ...

Больше ничего не подумаетъ.

Лучъ свѣта.

Туманъ вокругъ отдѣленія Украины начинаетъ проясняться. Вотъ что сказалъ сепаратный батько Винниченко корреспонденту одной французской газеты:

Чѣмъ болѣе русское Правительство противится нашимъ требованіямъ, тѣмъ сильнѣе нѣкоторые украинцы останавливаютъ свои взгляды на Австро-Германію, такъ какъ въ нашей радѣ засѣдаетъ извѣстное число германофиловъ.

А любопытно бы намъ знать, батько, какое это число — „извѣстное“...

Ежели скажемъ 60%, аль бо 80%, то какъ мы тогда можемъ назвать вашу раду, да и васъ, батько Винниченко?

Вертится у насъ на языкѣ одно слово, которое начинается на „и“, а кончается на „измѣнникъ“, да только сказать его не хотимъ.

Гис. Миссъ.

Сюсюканье.

Если бы тѣмъ, которымъ сейчасъ поручено бороться съ большевизмомъ, поручили бы ловить грабителей и взломщиковъ, они дѣлали бы это такъ: поймавъ грабителя на мѣстѣ взлома, вынули бы деликатно изъ его рукъ отмычки и ломикъ, а его бы съ поклономъ отпустили на свободу.

Пока нѣтъ подъ рукой грабителей, эти люди поступаютъ точно такъ съ большевиками: закрыта „Правда“ и „Солдатская Правда“, погубившія нашу армію. Что же сдѣлано съ мошенниками, которые изловлены на мѣстѣ преступленія?

Да ничего.
Ихъ съ поклономъ отпустили.
А они купили новыя отмычки, новые ёмки и стали выпускать „Окопную Правду“.
Закроютъ и „Окопную“.
Усмѣхнутся мошенники и приступятъ къ изданію „Нѣмецкой Правды“...

А тамъ во глубинѣ Россіи.

А страна потихоньку правѣть и правѣть.
Сейчасъ она блуждаетъ гдѣ-то около конституціонной монархіи, но неизвѣстно, къ какому скипетру и державѣ она причалитъ завтра.

Развѣ не знаменательно?

НОВОЧЕРКАССКЪ. Вейсковой кругъ постановилъ заключить блокъ съ партией народной свободы при выборахъ въ Учред. Собрание. Условія соглашения вырабатываются.

Вотъ-те и Третій Интернаціональ!

Какой ужъ тамъ Интернаціональ, когда въ воздухѣ разбитымъ корытомъ запахло!

Тянетъ, тянетъ откуда-то легкимъ лѣтнимъ душистымъ вѣтеркомъ и вдругъ — громыкаетъ тихо отдаленный громъ.

Приводимъ ниже оговорку.

Но почему оговорка въ эту сторону, а не въ другую?

Резолюція московской судебной палаты по дѣлу Аполинаріи Васильевны Зайковой съ архангельскимъ губернскимъ распорядительнымъ комитетомъ о 4.400 рубляхъ.

Дѣло № 27. Резолюція и опредѣленіе начинаются словами:

„1917 года іюля 24-го дня. По указу Его Императорскаго Величества московская судебная палата по 3 Гражданскому Департаменту“...

Раньше въ многолѣтніи ретиво возглашали:

— Многая лѣта Временному Правительству.

А теперь шмыгнули въ другую сторону, и уже несется тихій шопотъ:

— По указу его Императорскаго Величества...

Онъ те укажетъ!

Судъ скорый...

Въ то время, какъ петроградская юстиція занята большевиками — деревенская юстиція работаетъ медленно, но вѣрно:

Крестьяне села Устиновки, Тамбовскаго уѣзда, въ виду участившихся въ ихъ селѣ случаевъ увоза чужого хлѣба съ поля, вынесли приговоръ, которымъ постановили отрѣзать ухо и носъ у всякаго, уличеннаго въ увозѣ чужого хлѣба.

Вѣроятно, юридическое толкованіе пословицы: „держи ухо востро, а носъ по вѣтру“.

ПОЭТЪ-БУРЖУЙ.

Я — поэтъ съ душой эстета...

Для меня музеи — храмъ,

Гдѣ Ванъ-Дейку, Тинторетто

Поклоняюсь по утрамъ.

Строфы томнаго Петрарки

Мнѣ звучатъ, какъ гимнъ небесъ;

Мозгъ пьянятъ, лучисто-ярки,

Зандъ, Руссо и Сервантесъ...

Въ дни цензурнаго режима,

Славя волю въ рабской тѣмѣ,

За стихи неутомимо

Я отсиживалъ въ тюрьмѣ.

Я бѣднѣй церковной крысы,

И, какъ новый санюлотъ,

Презираю тѣхъ, что лысы

Отъ финансовыхъ заботъ.

Но на мнѣ — опрятный смокингъ,

Бѣлоснѣжное бѣлье, —

Чистота бодритъ, какъ доппингъ,

Тѣло брэнное мое!

Настроивъ порой въ двѣ ночи

Вдохновенные стихи,

Трачу выручку «за строчки»

На манжеты и духи.

Каждый день я чисто бреюсь...

Черствый хлѣбъ жуя въ тиши,

Покупаю орхидею-съ

На послѣдніе проши!

И за это ежедневно
(Муза, вникни и разжуй!)
Мнѣ кричатъ эс-деки гнѣвно:
— Вонъ отселева, буржуй!...

... Брошу стричься, бриться, мыться:
Объявлю бойкотъ водѣ.
Пусть пудами грязь гнѣздится
Во дремучей бородѣ!

На лицо я бухну сажу

И, плюя на чистоту,

Дегтемъ волосъ напوماжу,

Чтобъ разило за версту.

Буду спать во рву на Охтѣ,

Стану яростно р-рычать,

Отращу кривые когти,

Чтобъ руками мясо рвать.

По Ванъ-Дейку — плачьте, парки! —

Грязной шваброю хвачу,

Изъ Петрарки на цыгарки

«Ногъ собачьихъ» наверху.

Зандъ отдамъ за политуру,

Втисну въ сердце мглу и злость,

Облекусь въ медвѣжьё шкуру,

Въ носъ продѣну рыбью кость!!

Дикимъ хохотомъ заржу я,

Увидавъ музей въ огнѣ...

Думаю, тогда «буржуй»

Не посмѣютъ бросить мнѣ!

Доль.

НЕУМѢСТНАЯ СПОСОБНОСТЬ.

Рис. Н. Радлова.

— А почему васъ не приняли въ милицію?
— Да по моей же оплошности. Прихожу туда, а они спрашиваютъ: стрѣлять умѣете? А я взялъ да и брякнулъ: умѣю. Ну, они испугались и не приняли.

ИСТОРИЯ ПОВТОРЯЕТСЯ.

„Несмотря на тяжесть переживаемого Рос-
сией положенія, въ столицѣ то же пьянство,
обжорство и небывалый азартъ“...

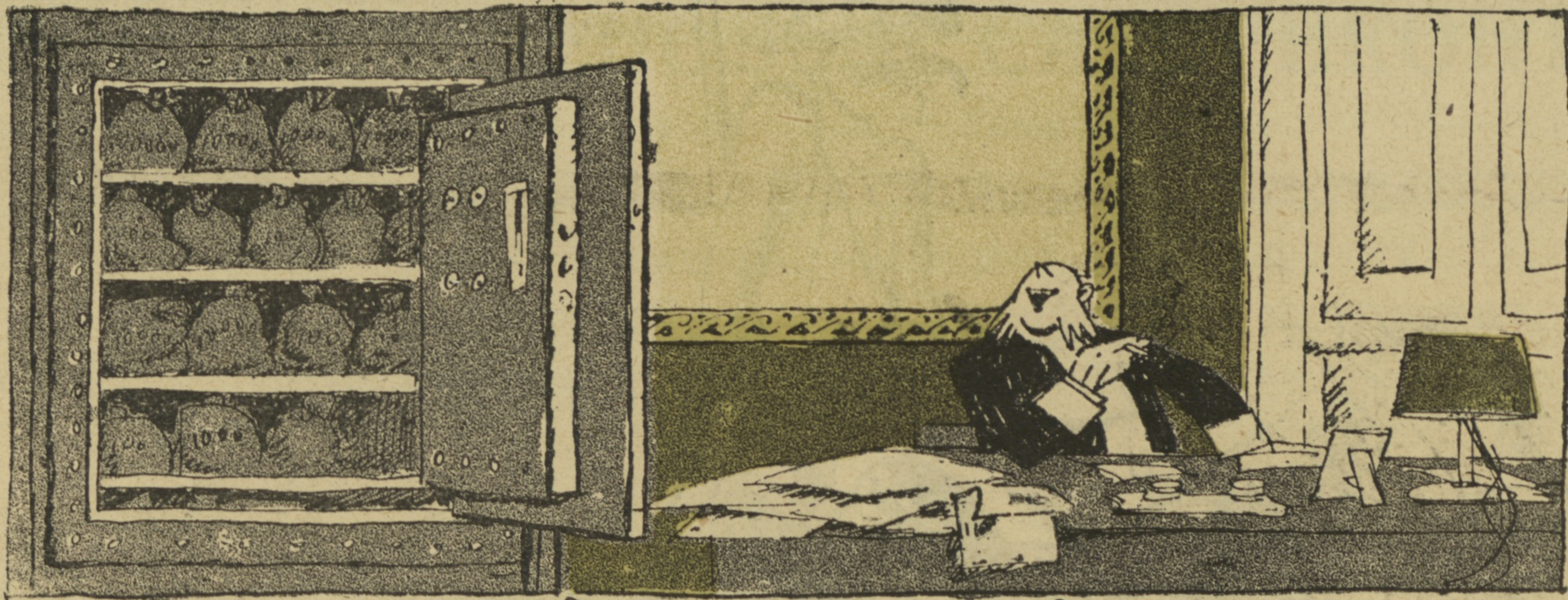
(Изъ газетъ)

Рис. В. Лебедева.

Послѣ битвы на Калкѣ.

Раньше въ министерствѣ финансовъ было много въ денежномъ шкафѣ, но зато былъ одинъ товарищъ министра.

Теперь у министра три товарища, но никто не рѣшится назвать денежный шкафъ переполненнымъ.

ТРЕБОВАНІЯ.

Она стремительно вошла въ кабинетъ и подошла вплотную къ письменному столу, за которымъ я сидѣлъ. Я поднялъ голову и, молча, вопросительно поглядѣлъ на нее.

— Я требую вѣжливаго со мной обращенія! — заявила она.

— Правильно! Дуняша, вы правы. Я былъ съ вами при старомъ режимѣ невѣжливъ?

— Чего не могу сказать — не скажу, были вѣжливы.

— Припомните, Дуняша, можетъ быть, я не просилъ васъ сдѣлать то или другое, а требовалъ, повышалъ голосъ, топталъ ногами...

— Нѣтъ, этого не было, врать не стану!.. А только вы обязаны обращаться на вы.

— А я обращался къ вамъ на ты?

— Чего не было, того не скажу!..

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Собраніе постановило, я и предъявляю.

— Но разъ васъ это не касается.

— Какъ не касается? Я такая же гражданка, какъ и всѣ!

— Конечно, такая же, но зачѣмъ вы предъявляете требованія, когда и безъ того я ихъ суть исполняю.

— Ага! Милость ваша такая!! — прошипѣла Дуняша. — Теперь и монаршая милость кончилась, не то что господская... Мнѣ нужно, чтобы вы не потому были со мной вѣжливы, что *вы* этого желаете, а потому что *мы* этого требуемъ. Согласны вы удовлетворить мои требованія о вѣжливомъ обращеніи?

— Согласенъ, — сказалъ я, подавляя улыбку.

— Больше бариномъ я васъ называть не стану!

— И прекрасно! Наконецъ-то вы станете исполнять мое желаніе: обращаться ко мнѣ, называя по имени и отчеству.

— И какая я вамъ Дуняша? Дарья Михайловна и все тутъ!

— Правильно, Дарья Михайловна! Это ваше право.

— Мы свои права сами знаемъ. Довольно вы нашей крови выпили!

— Я?! Вашей?!

Я расхохотался.

— Будетъ смѣяться вамъ, теперь ужъ мы посмѣемся!

— Дай Богъ!

— Я еще не все выложила.

— Выкладывайте.

— Къ телефону, на его звонки, подходить не буду: я вамъ не телефонный мальчикъ.

— Отлично, Дун... Дарья Михайловна, но и я, если васъ будутъ просить къ телефону, не буду васъ звать.

— Ну, ужъ, ладно, буду подходить за добавочныхъ три рубля въ мѣсяць. Согласны?

— Согласенъ.

Она покусала палецъ, потерла лобъ и, вздохнувъ, круто повернулась и ушла.

Черезъ часъ она стояла на томъ же мѣстѣ.

— Требсванія? — спросилъ я.

— А то что — смотрѣть мы на васъ будемъ? Гостей чтобы меньше было! Однихъ стакановъ сколько за ними мыть... мнѣ наплевать на ихъ полтинники да цѣлковые!

— Хорошо, Дарья Михайловна, я поставлю имъ условіе, чтобы они сами мыли наши стаканы.

— Ну ужъ, только пусти ихъ — всю посуду перебыютъ, ладно, пусть ужъ, что ужъ...

И сразу, повысивъ голосъ, сердито заявила:

— Восьмичасовой рабочей день!

— Согласенъ, но время, которое вы проводите въ своей комнатѣ, или кухнѣ не за работой, а въ бесѣдѣ или снѣ, вычитается изъ рабочаго времени.

— Ладно!

— Кинематографъ вашъ и баня ваша.

— У меня нѣтъ такихъ предпріятій.

— Небось, понимаете, что я про деньги.

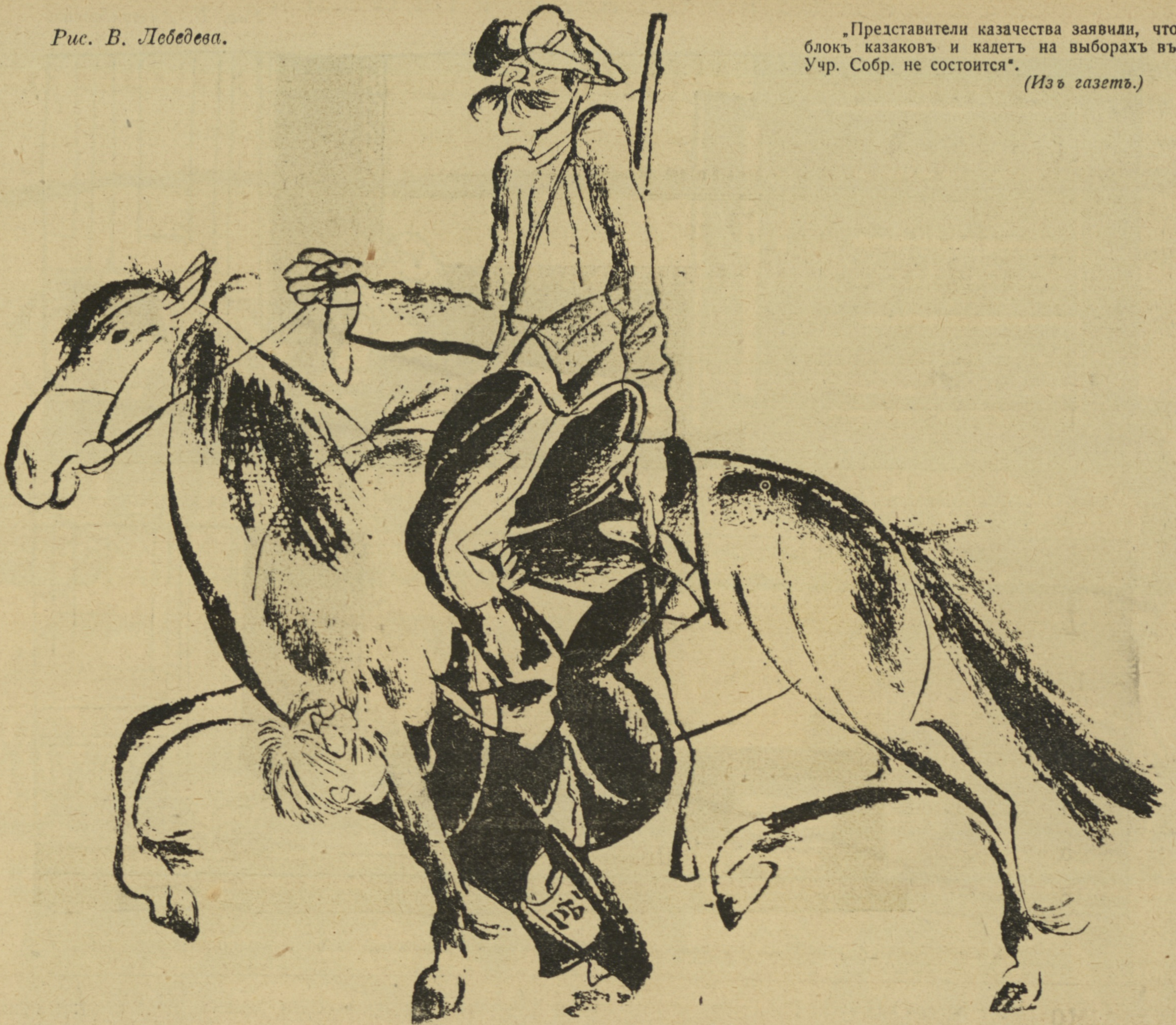
— Кинематографъ разъ въ недѣлю, — сказалъ я, полагая, что въ баню ежедневно она не пойдетъ, а въ кино пойдетъ.

— Ладно!

Рис. В. Лебедева.

„Представители казачества заявили, что блокъ казаковъ и кадетъ на выборахъ въ Учр. Собр. не состоится“.
(Изъ газетъ.)

Казакъ (кадету): — Отцѣпился бы ты, братецъ... Я же тебѣ говорилъ, что не по той дорогѣ поѣхалъ...

— Больше требованій нѣтъ?
— Какъ нѣтъ? Мало что ли требованій? Гостей моихъ принимаю въ вашихъ комнатахъ... солдатъ и вообще...
— Согласенъ, но и я принимаю моихъ гостей въ вашей. Она задумалась, потомъ зардѣвшись, сказала:
— Это неудобно для меня.
— И для меня.
— Пусть ужъ по-старому.
— Пусть!
Она снова задумалась.
— Все?
— Нѣтъ, не все! обрадовались больно рано... У насъ, вотъ, собраніе сегодня — можетъ что и придумаютъ... Небось, тамъ умнѣе насъ съ вами люди сидятъ!
— Какъ сказать... — неопредѣленно откликнулся я.
— Ужъ извините! — вполне опредѣленно заявила она.
— Но пока-то все?
— Нѣтъ, не все!.. Когда приходятъ полотеры, я за ними приглядывать не согласна: если не довѣряете имъ, — устройте дежурство милиціи.
— Хорошо, не приглядывайте... И вотъ еще что, Дарья Михайловна, о всѣхъ вашихъ требованіяхъ вы заявляйте только письменно...
— Я неграмотная.
— Въ такомъ случаѣ заявляйте мнѣ ихъ, когда я свободенъ, а не когда я работаю.
— Я не могу мѣшать вашей свободѣ.
— Трудъ долженъ быть свободнымъ, Дарья Михайловна!
— Это вѣрно, а только вы этого не исполняете... Примѣрно, я желаю завиваться, ужъ щипцы накалились, а вы звоните: подавай вамъ самоваръ!.. Я хочу чистить ножи, а вы звоните...
— Дарья Михайловна, я принимаю съ заявленіями о требованіяхъ два раза въ недѣлю...

— Да вы что, смѣтетесь?!
— Три раза...
— Ежедневно.
— Хорошо, отъ 11—12 утра...
— А вечеромъ?
— Передъ сномъ.
— Ну, ладно!
Она ушла. Работать больше я не могъ.
Сегодня я вернулся изъ гостей въ пять утра. Дуняша (за глаза я ее называю по-старорежимному) впустила меня и, принимая пальто, предъявила требованіе:
— Я въ очередь на хлѣбъ не пойду. Ъмъ его и я и вы, нужна очередь на очередь.
Я попробовалъ сослаться на условіе:
— Требованія въ пять утра не предъявляются!
— Условились: передъ сномъ, а вы еще не спали... Вотъ сейчасъ становятся въ очередь, идите!
— Полагается восемь часовъ для сна, теперь уже пять утра, въ десять я долженъ встать, слѣдовательно, и такъ я не досплю... Именемъ Интернаціонала, Учредительнаго Собранія, Земли и Воли требую, чтобы вы не мѣшали мнѣ жить по программѣ!.. Я иду спать, а вы въ очередь!
— Ладно, сегодня ужъ пойду, а завтра поговоримъ!
Всю ночь, вѣрнѣе все утро, снилась очередь.

Исидоръ Гуревичъ.

Редакторы: Арк. Буховъ.
А. Т. Аверченко.
Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.
Петроградъ, Невскій пр., 88. — Тел. 59-07.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59—07.

Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 3-хъ руб. за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія книги: Театральная библіотека „Новаго Сатирикона“.

Аркадій Аверченко.

Томъ 1-й. 8 одноактныхъ пьесъ.
Цѣна 2 рубля.

Томъ 2-й и 4-й. Бенгальскіе огни.
Цѣна 2 рубля.

Томъ 3-й. Чортова дюжина.
Цѣна 2 рубля.

Томъ 5-й. Безъ суфлера.
Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ 6-й. Подъ холщевыми небесами.
Цѣна 1 руб. 50 коп.

Тэффи.

Томъ 1-й. 8 миниатюръ.
Цѣна 2 рубля.

Томъ 2-й. Новыя миниатюры.
Цѣна 2 рубля.

Дешевая юмористическая библіотека „Новаго Сатирикона“.

№ 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 11, 12 —
Аркадій Аверченко.

№ 13 — Тэффи.

№ 14 — Г. Ландау.

№ 15 — Аркадій Аверченко.

№ 16 — О. Л. Д'Орь.

Спеціальные выпуски Дешевой библіотеки.

Аркадій Аверченко.

О нѣмцахъ и о прочемъ... такомъ.

Пять чемодановъ.

Записки театральной крысы.

Человѣки.

Позолоченныя пилюли.

Вл. Азовъ.

Шипы безъ розъ.

Тэффи.

Зарево жизни.

Житье-бытье.

О. Л. Д'Орь.

Проклятіе начавшимъ.

Аркадій Буховъ.

Точка зрѣнія.

Цѣна каждого выпуска — 20 коп. — Книготорговцамъ — скидка обычная.

Юмористическіе альманахи „Новаго Сатирикона“ при участіи авторовъ:

А. Аверченко, Вл. Азова, А. Бухова, Евг. Вѣнскаго, Исид. Гуревича, Е. Дольскаго, О. Дымова, Г. Ландау, О. Л. Д'Ора и Тэффи. Иллюстраціи художниковъ: А. Радакова, В. Лебедева, Ре-ми и А. Юнгера.

Осиковый колъ на могилу зеленаго змія.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Теплая компанія (Съ кѣмъ мы боюемъ).

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Письмовникъ „Новаго Сатирикона“.

(Съ приложеніемъ самоучителя танцевъ.)

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Физиологія и анатомія человѣка.

(Съ приложеніемъ психологіи человѣка.)

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Всеобщая исторія, обраб. сатирикохцами.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Вѣстникъ знахія „Новаго Сатирикона“.

(Оккультныя науки. Энциклопедическій словарь. Хрестоматія для дѣточекъ.)

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Вышла новая книга:

Бор. Мирскій.

„КРАСНЫЙ РЕПЕЙНИКЪ“.

(Памфлеты революц. дней.)

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:

Арк. Бухова.

„ТИХІЯ НЕПРІЯТНОСТИ“.

5-й годъ
изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

5-й годъ
изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ПЯТЬ ЦѢННЫХЪ ПРЕМІЙ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 10 руб., съ пересылкой и доставкой 11 руб., на полгода 5 руб. 50 коп., на 1 мѣс. 95 коп.

ЦѢНА за объявленія — непарель 1 строка 1 руб.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 88. Телефонъ 59-07.

З А Б О Т Л И В Ы Е.

Автономисты: — Не плачь, Россія. По крайней мѣрѣ такъ тебѣ ногъ негдѣ будетъ протянуть.